

О том, какую роль играет образование в современном обществе, почему стандартизация образования уживается с вариативностью и почему нельзя абсолютизировать результаты сравнительных исследований качества образования, рассказывает директор Федерального института развития образования, академик РАО, автор брошюры «Стратегия и методология социокультурной модернизации образования» Александр Асмолов.

Образование – это проектирование будущего

– Александр Григорьевич, в середине 1990-х гг. в российской системе образования началась так называемая модернизация, которая не завершилась по сей день и вряд ли когда-либо завершится. Что стоит за термином «модернизация», в чем его отличия от «реформы», «совершенствования» и прочих синонимов? И что такое «социокультурная модернизация», о которой вы постоянно говорите в своих выступлениях?

– Термин «модернизация» означает, что мы признаем собственное несовершенство и, как сказал замечательный психолог Альфред Адлер, свой комплекс неполноценности, осознаем свои дефекты – культурные, экономические социальные, стремимся от них избавиться, и это осознание становится двигателем развития. Модернизация – это перманентное улучшение, сразу возникает ассоциация с «перманентной революцией», и эта идея проходит через многие наши исследования. Недавно социолог Лев Гудков выпустил книгу «Абортивная модернизация» – термин, идущий от Тойнби, пусть даже слово «абортивный» имеет у нас прочные гинекологические ассоциации. Аналогично можно продолжить: мы всегда «немножко временны» модернизацией...

Можно выделить две линии модернизации в образовании.

Первая – это *организационно-экономическая*, или, в хорошем смысле этого слова, *технократическая модернизация*. В ее фокусе – не только понимание образования как сферы услуг, но и экономические ресурсы образования, бюджетные ресурсы, в том числе соответствующие ограничения. Три составляющие лозунга «Качество, доступность, эффективность», который в 1997 г. мы предложили вместе с тогдашним министром образования Александром Николаевичем Тихоновым, – это тоже инструментальные характеристики образования. Они ни в коей мере не являются ценностными, целевыми, «терминальными».

Поэтому есть вторая линия модернизации образования, которую я называю *социокультурной*. В этом случае образование рассматривается как один из институтов развития общества. Каждый раз, говоря о модернизации образования, нужно понять ту социокультурную картину, в которой мы оказываемся.

Термин «социокультурная модернизация» опирается на определенную интеллектуальную традицию. Понятие социокультурного развития общества как системы коллективных представлений наиболее ярко было дано в работах социолога Эмиля Дюркгейма. Другой исследователь – Питирим Сорокин – написал работу «Социокультурная динамика».

– Итак, образование – один из институтов развития общества. Какое место он занимает среди других институтов? Каковы его функции? И еще важное уточнение: такой подход сегодня характерен для мировой науки или только для российской?

– Само понятие социокультурности, так или иначе, предполагает отношение к образованию как опережающему, прогнозирующему институту развития общества. Возможны два принципиально разных подхода: либо образование «плетется в хвосте общества», решает задачу адаптации, воспроизводства существующего образа жизни, либо – и здесь совсем другая логика – выполняет дерзкие, «окающие» функции, предлагая те или иные проекты будущего. Образование в широком социокультурном смысле – это проектирование будущего.

Два года назад в Кембридже вышла довольно увесистая книга «Социокультурная психология»; в ней рассматриваются тренды социокультурного анализа, в том числе в контексте образования, и там иногда встречаются имена Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, Д.Б. Эльконина, В.В. Давыдова. Но к российским подходам в области социокультурного анализа образования авторы этой книги относятся как к истории – действительно, они развивались в 30-е, 50–60-е гг. прошлого века, хотя, на мой взгляд, они и сегодня более чем актуальны.

– Если рассматривать развитие образования в России в социокультурной логике, как оценить, к примеру, реформы 1990-х гг., когда сначала говорили о стабилизации, потом о развитии, реформировании, модернизации и пр.?

– «Лихие 90-е» в образовании я оцениваю с позиции эволюционного оптимизма именно в социокультурной логике.

Что тогда происходило? *Главный вектор реформ 1990-х гг. в российском образовании – переход от универсальных форм, расширяющих возможности личности, в дошкольном и общем образовании к университетскому образованию.* Именно в тот период народились формы опережающего образования, которые в контексте историко-эволюционного подхода можно назвать «поисковыми механизмами развития культуры»

(термин, встречающийся в работах Ю.М. Лотмана).

В начале 1990-х гг. появились школы-лаборатории – новый термин в нормативном языке, стали развиваться исследовательские университеты как источники либерального мышления. Есть конкретные примеры образовательных учреждений, созданных в те годы и задающих логику развития образования: Высшая школа экономики, Российская экономическая школа, обновленный РГГУ. Исследовательские университеты – гибриды образования и науки, выполняющие универсальную функцию, – представляют собой противовес университетам-супермаркетам, дающим лишь специализированные, вторичные знания и тем самым сводящим на нет функцию университетского образования. Результат образования в университете-супермаркете – это редукция личности в системе социальных функций: начинает действовать одна из тяжелейших формул культуры «незаменимых у нас нет», и такая личность всегда ищет себе оправдание в приказах. Но образование как институт социализации должно нести, прежде всего, ценностные, целевые установки, превращаясь в «лабораторию жизни».

Когда возможности государства сильно ограничены, школы и университеты берут на себя идеологические, ценностные функции. Так происходило в разные историко-культурные времена. Николай Копосов в книге «Хватит убивать кошек. Критика социальных наук» пишет, что Третья республика во Франции была республикой профессоров. В эпоху очередных перемен образование фактически задает идеологию развития общества, а государственные структуры пополняются профессорами и лаборантами.

В 1990-е гг. в России стала складываться новая логика развития общества, а не просто образования. Каскад имен, каскад идей и в образовании, и в обществе – интеллектуализация, гуманизация происходили именно тогда. В «Иудейской войне» Л. Фейхтвангера первосвященник просит императора для возрождения своей страны открыть маленький университет. Когда в культуре возникают сложности, «маленький университет» становится символом ее будущего. Появляются уникальные воз-

возможности социокультурной модернизации образования, а затем и общества.

– Какие функции должно выполнять образование в обществе? Есть ведь известный спор о том, что такое образование – общественное благо или услуга. Считать ли эти определения взаимоисключающими или взаимодополняющими?

– Если говорить о социокультурной модернизации образования, на первый план выступает целеполагание. Образование понимается как порождение ценностных ориентаций, образа жизни, социального и национального характера. Вместе с тем образование – это и социальное познание, и массовая коммуникация, и, как говорил Т. Парсонс, социальное действие, это одна из логик развития общества. Образование – это и социальное конструирование, и социальная индустрия, причем в последнем случае оно может выступать и в роли сферы услуг. Никаких противоречий тут нет.

Все это свидетельствует о том, что мы должны обратить внимание на особые функции образования по отношению к обществу – социокультурные. Это прежде всего гармонизация социальных отношений: образование выступает в роли «социального клея», позволяет обществу не расколоться в условиях излишней политизации. Образование формирует идентичность человека – общечеловеческую, гражданскую и этнокультурную, уменьшает социальные риски, является институтом социально-экономической стратификации общества – выступает в роли социального лифта, социального миксера или социального колодца.

Среди этих функций формирование трех уровней идентичности, пожалуй, наиболее важная. И если раньше образовательный стандарт состоял из трех компонентов – федерального, национально-регионального и школьного и это деление было чисто административным, то теперь, при отсутствии деления на компоненты, в образовании появляются различные линии, связанные со смысловыми и ценностными характеристиками, касающимися идентичности. И нужно понять, что именно обеспечивает ту или иную идентичность.

– Можно ли это сделать, если в стандартах второго поколения нет четко определенного содержания образования?

– С начала 1990-х гг. я пытаюсь ввести представление о вариативности образования и часто сталкиваюсь с тем, что вариативность связывают с возможностями выбора учебников, программ, школ и т.д. Но, как учил меня Мераб Константинович Мамардашвили, пока не высказан смысл, ради которого вы действуете, вас не услышат. Поэтому я поясняю, что понятие вариативности опирается на представление ведущего антрополога Валерия Алексеева о вариативной эволюции – в отличие от концепции Ч. Дарвина она нацелена на поддержку различных вариаций, существующих в культуре. В своих разработках Алексеев опирается в том числе на работу П. Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции». В тоталитарных культурах образование унифицируется, порождается «строевая педагогика», а в культурах, нацеленных на свободу, растет разнообразие образования, и тогда образование выступает как механизм поддержания эволюционного разнообразия общества.

Вариативность и стандартизация в образовании не должны противоречить друг другу, это две стороны одного процесса. Смысл стандартизации – в обеспечении устойчивости развития познания через передачу образцов подрастающим поколениям, функция стандартизации – в адаптации молодых людей к решению широкого класса типовых задач. Стандартизация является инструментом управления знаниями в условиях социального, экономического, этнического разнообразия. Стандарт обеспечивает единство разнообразия лишь в сочетании с вариативностью – расширением возможностей развития личности.

Когда мы предлагаем образовательные программы в соответствии с вариативным стандартом, за этим стоит логика системно-деятельностного подхода, разработанного в исследованиях Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. И первое, с чего должна начаться разработка программы, – формулирование ценностей, формированию которых она должна способствовать. Только после этого разрабатывается собственно содержание,

определяются технологии и способы достижения целей, подбираются ресурсы – кадровые, материальные и пр. Все это, так или иначе, должно присутствовать в любой программе развития образования вне зависимости от ее уровня.

– Если образование как институт социализации определяет логику развития общества, какие инструменты должны использоваться при прогнозировании? Какие из них можно применять лишь с определенными ограничениями?

– Первый, самый традиционный инструмент – это рейтинги. Но когда мы измеряем образование (прежде всего качество образования) с их помощью, возникает эффект рейтингового гипноза – мы стараемся любой ценой подладиться под тот или иной рейтинг. Конечно, я уважаю PISA и прочие сравнительные исследования качества образования. Но тот факт, что они зачастую составляются и применяются без учета культурных факторов, почему-то остается без внимания.

Как говорил мой учитель, никогда не надо ставить перед кошками собачьи задачи. Но мы действуем как раз в этой логике, когда молимся рейтингам, переводя тесты из одной культуры в другую. Однажды в ходе социологического исследования ученикам начальной школы в Якутии задали вопрос: «Как вы относитесь к неграм?» Понятно, что дети не представляли себе той реальности, об отношении к которой их спрашивали. Есть понятие «экологическая валидность», введенное Эгоном Брунsvиком, оно необходимо при перенесении процедур, разработанных для одной культуры, в другую культуру. Без этого мы никогда не сможем построить многомерные, качественные характеристики образования.

В числе других инструментов, которые можно использовать при прогнозировании, – форсайт, дорожная карта, краудсорсинг. Последняя техника – экспертиза с помощью «гласа народа» – особенно актуальна, хотя редко используется. Она применялась при обсуждении нового закона «Об образовании в РФ», а в недавно вышедшей книге «Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет всё» показано, что общество может развиваться и прогнозировать будущее

на основе краудсорсинговых процедур. В названии этой книги очевиден аналог с названием книги Петра Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции».

По сути дела, не только конфликт, который мы, так или иначе, культивировали в последние годы, но и кооперация, сотрудничество, симбиоз, появление гибридных форм могут задать социокультурную модернизацию общества через социокультурную модернизацию образования. Выделение подобных методологических оснований для дальнейшего понимания образования как института поддержки разнообразия крайне необходимо – такое понимание формируется в разных странах, как, например, в Англии, где недавно вышла книга «Трансформация образования», написанная с позиций Давыдова и Выготского. Мы по-прежнему обсуждаем организационно-экономические механизмы, качество, доступность и эффективность, а в это время появляются работы, рассматривающие образование как уникальный институт проектирования будущего общества.

– В чем, на ваш взгляд, заключается связь между первым и вторым подходом? Можно ли сделать так, чтобы рассмотрение образования в контексте высоких материй не противоречило сугубо прагматичным построениям, связанным с качеством, доступностью, эффективностью?

– Связь здесь очевидна. Идеи социокультурной модернизации обсуждаются в СМИ, они нашли свое отражение в «Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы», где общее образование как социальный институт выдвигается на первый план. И при обсуждении путей развития образования социокультурная модернизация становится одним из вероятностных трендов. Здесь главный риск, на мой взгляд, заключается в том, что кто-то скажет известную фразу: «Верной дорогой идете, товарищи!» Не надо искать альтернативы социокультурной модернизации, объявляя таковой, например, модернизацию технократическую, надо искать вариативы, выходя за пределы привычных схем и представлений. Только так у нас появится видение перспектив, основа движение к будущему.

Беседовал Борис Старцев